

Т.П.Роон, А.А.Сирина

*Е.А.Крейнович:
жизнь и судьба ученого*

«Что она — моя жизнь?

Муки и нелепое, наивное подвижничество».

(Из письма Е.А.Крейновича)

Труды доктора филологических наук Ерухима Абрамовича Крейновича (1906—1985) хорошо известны специалистам лингвистам и этнографам-сибиреведам, но они стоят несколько особняком, как особняком держался и сам автор, переживший тяжелые испытания и выстоявший благодаря непрестанному научному творчеству. Вся жизнь он посвятил лингвистическим и этнографическим исследованиям народов Сибири: нивхов, кетов, юкагиров, коряков, ительменов. Его перу принадлежат десятки статей, опубликованных в отечественных и зарубежных научных изданиях, монографии о редких языках народов Сибири. Вслед за выдающимися российскими путешественниками и этнографами конца XIX — начала XX в. Е.А.Крейнович совершил прорыв в изучении языка и культуры нивхов. Однако его жизненный путь был тернист. Он провел в лагерях, ссылке и на поселении в общей сложности семнадцать лет, подорвав не только физическое, но и в какой-то степени душевное здоровье.

В этой публикации о жизни и научном творчестве Е.А.Крейновича мы использовали материалы его личного архива¹, Санкт-Петербургского филиала архива РАН (ПФ АРАН)², ксерокопии архивных дел из ФСБ³, переписку между Т.П.Роон и вдовой ученого Г.А.Разумниковой⁴, а также его научное наследие.

* * *

Ерухим Абрамович Крейнович родился 12 апреля 1906 г. в многодетной еврейской семье в белорусском городе Невеле⁵. В годы Первой мировой войны и революции семья жила в Витебске, где арендовала частный дом. Отец торговал пушниной и был не особенно удачлив в делах, в отличие от своего брата, имевшего мага-

зин в Санкт-Петербурге. Семья долгое время не могла выбиться из бедности.

Ерухиму не пришлось учиться в гимназии: он не выдержал вступительного экзамена по русскому языку. По-видимому, до 12-летнего возраста он учился в начальной религиозной школе основам иудаизма и еврейской грамоте. В 1918 г. он поступил в литературный кружок имени В.Г.Короленко, затем в городскую драматическую студию. Общение с высокообразованными людьми зажгло в юном сердце любовь к познанию и творчеству. Гуманист и искусствовед, полиглот И.И.Соллертинский наизусть читал кружковцам классические поэмы Шекспира, стихи Шиллера, Гёте, Овидия на языке оригиналов. Под его влиянием 13-летний подросток прочел много книг по истории поэзии и драматургии, а также сами произведения, начиная с древнегреческих поэм. В юности он прекрасно декламировал стихи и выступал в самодеятельных концертах. Какое-то время Ерухим действительно думал об артистической карьере. Увлечение поэзией и память о прекрасных учителях юности остались у него на всю жизнь.

Рано ушла из жизни мать, и отец женился второй раз. Позрелевшие сестры переехали в Петроград. В городской комсомольской организации работал его брат Наум, позже репрессированный. Одна из старших сестер, Эсфирь, любила своего младшего брата больше других и в дальнейшем приняла деятельное участие в его судьбе. Ерухим некоторое время оставался с отцом и много работал, помогая ему в деле. Нужда и постоянное недоедание сказались на молодом организме: вероятно, в те годы он заболел туберкулезом. В 1922 г. 16-летний юноша переехал в Петроград и поселился в доме сестер. Началась его самостоятельная жизнь.

Новая, советская власть и жизнь большого города открывали невиданные ранее возможности. Он устроился работать в Ленгубфинотдел и одновременно поступил в вечернюю школу рабочей молодежи им. Н.Г.Чернышевского, которую окончил в августе 1923 г. Здесь большое влияние на него оказали Б.А.Фингерт и А.Я.Кораблева. От них он впервые узнал о марксизме, а также начал изучение книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁶. Эти занятия определили профессиональный выбор юноши. Осенью того же года после сдачи экзаменов он был принят на общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета. Кстати, в его стенах он получил свое второе имя — Юрий. Однажды девушка-однокурсница спросила, как его зовут. Он ответил: «Ира» (сокращение еврейского имени Ерухим). Сту-

дентка не поняла, с удивлением ответив, что это женское имя и, скорее всего, его имя Юра. Молодой человек разрешил называть себя Юрой. Так было проще, не нужно было ничего объяснять⁷. В жизни он пользовался обоими именами (Юрием его называли коллеги, знакомые и родственники), а научные труды он подписывал своим настоящим именем.

Крейнович буквально впитывал новые знания и искал свой путь. Однажды он познакомился с человеком в военной форме — это был Я.П.Кошкин (Алькор), будущий директор Института народов Севера, который посоветовал Ерухиму и его товарищу Павлу Моллу послушать лекции проф. Л.Я.Штернберга, которые тот читал в Географическом институте и в Университете. Юрий вспоминал: «...в аудиторию вошел старый, бородастый и мрачный на вид человек. Его мрачность усиливалась подергивающейся щекой. Он снял свое темное пальто и остался в темном кителе. Сев за стол, он стал вытаскивать из-за пазухи (точнее, из внутреннего кармана кителя) какие-то конверты, чего ни один профессор на своих лекциях не делал. Потом он достал портсигар с табаком, завернул сигарку и закурил. Раскрыв один конверт и вынув из него бумажные карточки, он переложил их и начал свою лекцию <...> Все, о чем рассказывал Л.Я.Штернберг, для меня, 17-летнего юноши, было ново и интересно <...> Я стал посещать его лекции по эволюции религиозных верований и социальной культуры. Я стал узнавать на этих лекциях о неизвестных мне до этого времени народах, религиозных представлениях и обычаях. Я забросил все и стал заниматься одной лишь этнографией»⁸. Известные еще в дореволюционное время этнографы Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз стали основателями этнографического отделения Ленинградского университета, породив плеяду ученых-этнографов новой, советской формации, щедро передавая свой богатый опыт и знания молодым студентам.

Для воплощения в жизнь национальной политики властям нужны были преданные революционным идеям молодые люди, которые бы несли народам Севера «новое солнце». Получив теоретическое образование, они уезжали на два-три года на Север и Дальний Восток, по согласованию с органами советской власти устраивались на работу учителями, сотрудниками Комитетов Севера, переписчиками, работниками культбаз, одновременно изучая язык и собирая бесценные этнографические материалы. Мало кто из них дожил до старости: Г.Каминский, Н.А.Котовщикова, П.Ю.Молл умерли, работая в экспедициях на Севере в конце 20-х годов; С.Н.Стебницкий, Н.Б.Шнакенбург, Г.Д.Вербов погибли на полях Великой Отечественной войны; Г.И.Мельников и Г.Корсаков умерли во время блокады Ленинграда;

Е.А.Крейнович, Г.М.Василевич, Н.И.Гаген-Торн подверглись репрессиям.

Мудро устроенная человеческая жизнь не позволяла заглядывать так далеко в будущее. Настоящее же было многообещающим. Через год учебы в университете Ерухим перешел на этнографическое отделение географического факультета, где в течение трех лет слушал лекции, посещал семинары выдающихся отечественных ученых, которые обладали огромным опытом полевых исследований самобытных культур народов Севера. Полный курс состоял из 32 предметов, в том числе таких, как «культура полярного круга», «учение о верованиях», «палеоазиатский цикл», «гиляцкий язык». В.Г.Богораз, который читал курс этногеографии, посоветовал Юрию заняться изучением удэгейцев или гиляков⁹. Для подготовки к дальнейшей экспедиции в 1925—1926 гг. Крейнович вместе с однокурсником Н.К.Каргером начал изучать нивхский язык у Штернберга после прочтения его книги «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора». Этот выбор действительно стал решающим и определил его дальнейший научный путь. Учеба включала практику в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — знаменитой Петровской Кунсткамере, старейшем научном центре России, где хранились в запасниках и экспонировались в выставочных залах редчайшие коллекции, собранные за два столетия у разных народов всех континентов Земли. В старинных залах первого российского музея начинающие этнографы соприкасались с миром традиций и культур, получали практические знания по избранной специальности, постигали тонкости и нюансы будущей профессии. Однако музейная практика не могла заменить работу «в поле». Первым испытанием для студента Крейновича стала короткая командировка на Украину, этнографическая практика в деревне Чулаковка, а также работа в селе Рудаково Псковского района, где он собирал новый народный фольклор — революционные частушки и вел этнографические наблюдения над повседневной жизнью русской глубинки¹⁰.

В студенческие годы он впервые испытал сильное чувство к Нюэми Шпринцин. Ученица В.Г.Богораз Н.Г.Шпринцин была хорошо образованна, владела иностранными языками. Она прекрасно знала Ленинград и водила экскурсии, подрабатывая на жизнь. Совместные студенческие и комсомольские мероприятия сближали молодых людей. Однако взаимностью на чувства Юры она тогда не ответила. Спустя несколько лет, в начале 30-х годов, они все же встретились вновь, но жизнь опять развела их.

В мае 1926 г. Крейнович получил свидетельство об окончании Ленинградского государственного университета. Были выполне-

ны все формальности, достигнуты договоренности, можно было ехать на Сахалин. Для многих людей, никогда не бывавших в Сибири, она представлялась краем каторги и ссылки, суровой и холодной землей, полной опасностей. Родные отговаривали Крейновича от далекого путешествия, ведь он был болен туберкулезом. Но ничто не могло задержать Юрия. 14 мая 1926 г. он уехал из Ленинграда, имея бесплатный билет до Владивостока и 200 рублей из средств комиссии по студенческим экспедициям¹¹. Его спутниками были Н.К.Каргер и И.Г.Козьминский. Крейнович описал незабываемый момент прощания на страницах своей книги. Их провожали родные, учителя из вечерней школы, университетские друзья и преподаватели¹². Перед отъездом В.Г.Богораз вручил Крейновичу шутовое четверостишие:

Юре малахольному, шкетному, аскетному,
Камню самоцветному.
Нет ему сочувствия, нет в любви сопутствия,
Лишь одна тематика — нивхская грамматика¹³.

Прощание состоялось. «Поезд тронулся. Когда он пошел быстрее, за ним бежал лишь один человек и махал мне рукой. Это был беспредельно близкий и родной Лев Яковлевич»¹⁴.

* * *

На шестнадцатые сутки пути поезд прибыл во Владивосток. А еще через неделю, 11 июня, пароход «Монгугай» встал на рейде у острова Сахалин. «В предрассветной сизости Сахалин казался темно-синим. Белые снеговые шапки покрывали головы его хребтов. Кое-где во впадинах гор были видны облака тумана. Сахалин был суров, но очень красив. Так вот каков он — остров моей мечты! <...> Ступив на берег Сахалина, я стал нажимать на него то одной, то другой ногой — будто ощупывал ногами землю этого острова страданий. И я понял, что это та же самая земля, на которой я родился и вырос. Так нечего же страшиться своей родной земли! Я не уеду с острова до тех пор, пока не выполню намерения, ради которого сюда приехал»¹⁵. Северный Сахалин лишь год назад был освобожден от японцев и стал частью Советского Союза. Здесь, на самом востоке страны, советская власть только начинала вставать на ноги после Гражданской войны и интервенции.

Сахалинский период (июнь 1926—июль 1928 г.) имел огромное значение в становлении этнографа и лингвиста Крейновича. В эти годы он приобрел бесценный опыт проведения полевых исследований и общения с людьми иной культурной традиции. Именно на основании собранных в те годы материалов спустя

Е.А.Крейнович. Северный Сахалин.
Конец 20-х годов

почти 45 лет была написана и опубликована великолепная этнографическая работа — книга «Нивхгу».

Нивхи, исконные жители низовьев Амура и острова Сахалин, были оседлыми рыболовами и охотниками на морских и лесных животных, занимались собирательством. Потомки древнейшего населения этих мест, они сохраняли в культуре и социальной организации много архаичных черт, одновременно заимствовали некоторые культурные особенности у своих соседей — айнов, тунгусо-маньчжурских народов. К тому времени, когда Юрий

собрался ехать на Сахалин, о нивхах и других народах Дальнего Востока, благодаря подвигам и трудам российских офицеров Г.И.Невельского, Н.К.Бошняка, Д.И.Орлова, ученых-исследователей Л.И.Шренка, Б.О.Пилсудского, Л.Я.Штернберга, были собраны богатые и разнообразные, но отнюдь не исчерпывающие материалы¹⁶.

В годы пребывания Крейновича на Сахалине нивхи (гиляки) сохраняли свои традиции: они вели размеренный образ жизни, рыбачили и охотились, почитали духов природы, родовых предков, проводили обрядовые праздники. В многочисленных нивхских деревеньках и сезонных стойбищах повсюду слышна была только нивхская речь, и любой желающий смог бы выучить тогда этот удивительный и своеобразный язык. По воспоминаниям самого ученого, многие нивхи в те годы очень плохо говорили по-русски, а то и вовсе не говорили. Начинаящему этнографу повезло. Он получил уникальную возможность увидеть традиционное нивхское общество изнутри.

Приехав на Сахалин, Крейнович хотел скорее приступить к изучению языка и сбору этнографических материалов, но должен был совмещать занятия наукой с работой в Сахалинском революционном комитете в качестве помощника уполномоченного по Охинскому району¹⁷. Он писал Штернбергу: «...больше всего меня смущает широта, неопределенность и размах работы моей среди туземцев. Ведь это не шутка, работать по изменению всего хозяйственного уклада, т.е. надо помочь им вылезти из нищеты...»

Менее чем через полтора месяца он переходит на работу завхозом, затем воспитателем туземной школы-интерната в национальном селении Хандуза. Дело в том, что работа в ревкоме не только отвлекала от научных занятий, но и требовала больших нервных затрат, особенно от такого человека, как Крейнович¹⁸. Для Юрия в то время были характерны перепады настроения, и он нуждался в постоянном одобрении и поддержке. Редкостная увлеченность сочеталась в нем с сомнением, связанным, по-видимому, с исключительными способностями к изучению языков — ему легко давалось то, на что у других ушли бы годы тяжелого труда. Сам Крейнович понимал особенности своего характера и психики: «<...> все не так, быть может, уж плохо, если бы не моя нервозность, которая из мухи слона делает». В другом письме к Штернбергу он писал: «Скоро я моей богине Неудаче сложу гиляцкую молитву и стану приносить ей в жертву пучки серянки, табак». А повод был — «разошелся, не застал информатора». Он явно недооценивал проделанную работу, полагая, что за 2 месяца ничего не сделано, в то время как в письмах встре-

чаются тексты на обоих языках! «Я понял теперь, что такое полевая работа и какие трудности она представляет. Самое тяжелое — это все же язык вначале, а затем не менее тяжелый сбор фактов и постоянная проверка их»¹⁹.

Попав в деревню Хандуза, расположенную на берегу одноименной речки, впадающей в залив Чайво на северо-востоке острова, где было всего несколько одноэтажных домов, он обнаружил, что в школе-интернате жили и учились дети эвенков, уйльта (ороков), якутов и почти не было детей нивхов, несмотря на то что нивхи населяли берега залива. Одной из задач Крейновича как молодого специалиста стало привлечение их в интернат, хотя условия жизни в интернате были тяжелыми и дети часто болели. В первую зиму его пребывания на берегу залива Чайво разразилась эпидемия кори, которая свалила не только школьников, но и взрослое туземное население. На руках молодого воспитателя умирали маленькие воспитанники интерната. Сам Крейнович тоже заболел воспалением легких и долго не мог оправиться от болезни. В суровых климатических и бытовых условиях у него началось обострение туберкулеза.

Вскоре он вновь возвращается в ревком, где работу Юрия курировал секретарь Сахалинского ревкома А.Ильин. В письме под грифом «секретно» от 18 ноября 1926 г. из Александровска он напутствовал молодого уполномоченного по туземным делам: «Ваша работа в основном должна сводиться к следующему: не допускать кабальных сделок. Выяснить все случаи закабаления. Главной задачей является то, чтобы по возможности больше добытой пушнины было сдано в факторию, а не ушло в другие руки (Николаевск на А., из частников — Калевский, китайцы, японцы). Необходимые с Вашей точки зрения мероприятия по организации и защите интересов туземцев представляйте в ревком. Как задание ставится составление наиболее полных туземных словарей, которые бы своим построением и содержанием могли дать возможность средне владеть разговорным языком туземцев»²⁰.

Представитель Комитета Севера по Дальневосточному краю К.Я.Лукс помог молодому человеку и словом и делом. Весной 1927 г. он ходатайствовал об отправке Крейновича в санаторий «Олентуй» в Забайкалье из-за обострившегося туберкулеза. После кратковременного отдыха и лечения Юрий вернулся на Сахалин. Он перебрался на западное побережье острова, где климат был несколько мягче, ездил оттуда в селения Тымовской долины, где организовал первый ликбез, агитировал нивхов создавать артели, выяснял их настроение.

Крейнович серьезно относился к своим обязанностям уполномоченного по туземным делам. «Знаю, что существуют мнения

о том, что из гиляк выйдут рабочие на нефтяных промыслах, что они станут земледельцами, — писал он в своем отчете в ревком за 1927 г. — Считаю своим долгом сказать, что ничего подобного никогда не удастся сделать. Туземец — зверобой, рыболов и зверовод. Не отрывать его от занятий, к которым он веками привык, надо, а наоборот, дать ему возможность ими заниматься, так как они необходимы в общей системе социалистического строительства»²¹. В то время он верил новой власти. Много километров прошел он пешком и проехал на собачьих упряжках и телегах по Сахалину, создавая туземные советы и агитируя за артели. Два года пролетели быстро. К 1928 г. на Сахалине было создано пять туземных советов: Висковский и Москальвский в Рыбновском районе, Ныйский и Чирвинский в Рыковском районе и Чайвинский в Охинском районе. В июне того же года планировалось закончить создание двух туземных советов в Александровском районе и довести советизацию туземцев Сахалина до 70%²².

На Сахалине Крейнович вел дневники и с первого же дня заносил туда свои наблюдения и впечатления. В общих тетрадях в толстых картонных обложках мелким почерком простым карандашом и ручкой почти каждый день он записывал беседы со стариками, новые нивхские слова, древние мифы и легенды, делал зарисовки разных этнографических объектов: нивхского погребения утопленника, медвежьего праздника, орудий рыболовства и т.д. Тексты и стиль этих сравнительно ранних дневников значительно отличаются от литературного текста и последовательности событий, изложенных в книге «Нивхгу». Постоянные поездки к нивхам и общение со стариками Чуркой, Моклеем, Саратом, Семеном и другими принесли свои плоды. Постепенно он осваивал разговорный нивхский язык, чем приводил в восторг самих нивхов. «У меня, по-видимому хороший слух и хорошая способность копировки звуков их речи. Чурка и Плетунка <...> высокого мнения о моих способностях». Один из стариков нивхов, желая похвалить Юрия за его знание нивхского языка, говорил ему, что у Льва Яковлевича «в языке была косточка, а у тебя язык свободно болтается»²³. Некоторые старики помнили ссыльных Бронислава Пилсудского (Пачурлянда, или «Красивого лицом») и Льва Штернберга (Ытыка, или «Отца»), которые тоже записывали нивхские обряды, фольклорные тексты и оставили о себе добрую память. При встречах старики спрашивали Крейновича, знает ли он этих людей и, получая утвердительный ответ, охотнее шли на разговор. Штернберг письменно рекомендовал своего ученика старому другу и переводчику гиляку из Арково Чурке: «Крейнович мне как сын все равно, вы его любите.

Разные старинные законы, разные предания, сказки, песни <...> все, все ему хорошенько рассказывайте»²⁴.

Человек другой культуры, он искренне пытался понять мировоззрение нивхов и зафиксировать его особенности: ел одну пищу с нивхами, спал в их домах, рыбачил, принимал участие в обрядах и праздниках, совершая жертвоприношения духам. Нивхи в шутку называли его «сказочным начальником», и не только из-за его особого интереса к нивхским легендам, сказкам и преданиям, но и потому, что он читал им нивхские сказки, записанные еще Штернбергом, одновременно практикуясь в языке. Юрий просил нивхов рисовать разные сцены, раскрывающие их хозяйственные занятия и ритуалы. Это был взгляд изнутри на культурные традиции самих носителей этих традиций. В архиве ученого сохранились рисунки «очень умного и приятного» нивха Керкера из стойбища Масхлаво на темы медвежьего праздника, охоты на морского зверя, разделки морских животных в стойбище, а также на темы мировосприятия нивхами Вселенной; есть в архиве и отдельные рисунки из жизни амурских нивхов²⁵. Лишь малая часть собранных уникальных материалов была опубликована в 30-е годы.

Л.Я.Штернберг живо интересовался успехами своего ученика. В письмах он сообщал университетские новости, спрашивал о собранных материалах, давал советы и рекомендации по теме исследования: «Каждое более или менее редкое слово надо переспрашивать в разных комбинациях и примерах. Вы пишете, что плохо дело у Вас с некоторыми звуками; трудное это дело, единственное средство — это многократно переспрашивать, повторять этот звук гиялку, пока не скажет, что правильно, и смотреть, как он артикулирует»²⁶. Известие о смерти Льва Яковлевича в августе 1927 г. застало Крейновича в дороге. «Вчера с мешком за плечами, усталый, добираюсь в Николаевск после недельной работы у гиялков на Лянгре. Ташу с собой толстую тетрадь с текстами и думаю — пошло ее старику. К чему мне она на Сахалине, еще потеряю ее в поездках. А возле дома услышал эту новость от наших студентов. Дрожь прошла по телу. Пусто стало. Не стало учителя. Не пошлешь ему теперь ничего. Не получишь и не прочитаешь уж больше его бодрящих, ласковых отеческих писем»²⁷. 28 июля 1928 г. производственная практика на Сахалине окончилась, и Юрий уехал в Ленинград.

* * *

После возвращения в Ленинград в августе 1928 г. начался новый, не менее плодотворный период жизни ученого. Крейнович был зачислен аспирантом в Ленинградский университет и начал

писать кандидатскую диссертацию, одновременно обрабатывая полевые материалы и публикуя этнографические статьи, освещающие хозяйственные занятия, космогонические воззрения нивхов, а также их представления о человеке²⁸.

Если хозяйственные занятия нивхов хотя бы в общем виде были описаны в литературе, то вопросы происхождения мира и человека в представлениях народов Дальнего Востока, в том числе нивхов, были исследованы мало. Причиной этого в основном был языковой барьер. Крейнович впервые сделал космогонические воззрения нивхов предметом специального научного изучения, выявил первичные фольклорные источники, систематизировал их на основе тематического принципа по основным ключевым сюжетам. Он описал представления нивхов о происхождении Вселенной, ветра, солнечных затмений, Земли, наконец, самого человека, проводя широкие сравнительные параллели. Им впервые была поставлена проблема изучения генезиса и распространения сюжетов о множественности солнц в мифологии народов юга Дальнего Востока²⁹. Свою первую работу о верованиях нивхов он посвятил памяти Л.Я.Штернберга³⁰.

Одновременно в 1928 г. Юрий начал преподавать нивхский язык в Институте народов Севера ВЦИК³¹. У истоков образования Института народов Севера (ИНС), который был создан для подготовки национальных кадров из среды аборигенов-северян, стояли В.Г.Богораз, Л.Я.Штернберг, Я.П.Кошкин (Алькор) и другие видные ученые-сибиреведы.

После смерти Льва Яковлевича Штернберга была создана специальная комиссия под руководством Я.П.Кошкина по подготовке его трудов к публикации. Е.А.Крейновичу, как знатоку нивхского языка, было поручено разобрать опубликованные и неопубликованные лексические записи — фольклорные тексты и картотеку. Из уважения к памяти учителя и являясь единственным специалистом в этой области, молодой исследователь согласился принять участие в обработке личного архива Штернберга.

Это были последние годы свободного развития науки. Начались наступление на «буржуазных» специалистов, «марксизация» предмета науки, методологические дискуссии, в которых вместо стремления к научной объективности, поискам истины культивировались идеологическая чистота, политическая целесообразность и классовый подход. Нарастала атмосфера идеологического психоза. В такой обстановке в Ленинграде 5—11 апреля 1929 г. проходило Совещание московских и ленинградских этнографов, на котором обсуждался предмет и метод этнографической науки. В частности, ленинградцы отстаивали преимущество стационарного метода исследований перед экспедиционным, подчерки-

вая необходимость близости этнографа к изучаемым им людям, «романтику» полевой работы³². Вслед за В.Г.Богоразом Крейнович в своем выступлении подчеркнул тесную взаимосвязь материальной и духовной культуры: «Жилище нельзя рассматривать как дом, сруб и больше ничего. Жилище имеет большое значение в том культурном комплексе, где оно создавалось. Вы увидите, что в пороге живет дух собаки, что в дымовом отверстии тоже живет какой-то дух, что в стенах живут духи <...> Вы идете дальше, изучаете огневище, и вы видите, что это очень сложный комплекс, что в нем нельзя отделить элементы материальные от духовной культуры»³³.

С 15 октября 1929 г. по 1 января 1932 г. Крейнович работал младшим научным сотрудником в МАЭ, директором которого был тогда Н.М.Маторин. По-видимому, чувствуя свое предназначение и возможность реализации именно в сфере этнолингвистических исследований, Юрий довольно формально относился к сбору коллекций и вообще к музейной работе, причем часто в неприемлемой для окружающих форме³⁴. Не сложились отношения с новым лидером комсомольской ячейки музея. Его дважды исключали из комсомола, а затем восстанавливали.

В те годы началась кипучая работа по разработке письменности для языков народов Севера и Сибири. В апреле 1931 г. состоялся пленум Комитета Севера ВЦИК в Москве, который указал на необходимость форсирования работы по созданию письменности для этих народов. В том же году отдел науки при СНК СССР утвердил единый алфавит, подготовленный Я.П.Кошкиным (Алькором). Создание письменности для бесписьменных прежде народов должно стать демонстрацией революционных подходов советской власти к национальному вопросу и способствовать быстрой интеграции «туземцев» в советское общество. Крейнович переключился на исследования в области языкознания. Комитет Севера ходатайствовал перед Ученым комитетом АН СССР о его откомандировании в гиляцкую лингвистическую экспедицию. Неясно, было ли найдено компромиссное решение, но в экспедицию на Нижний Амур Крейнович выехал вместе с этнографом А.С.Эстрин, снабженный за казенный счет браунингом с патронами, сапогами, плащом, аптечкой, мануфактурой и деньгами на приобретение этнографических коллекций. Находясь в экспедиции в Лимано-Гиляцком туземном районе, он с головой ушел в работу: собирал фольклор, записывал легенды и предания о происхождении амурских родов нивхов, рисовал подробные схемы нивхских стойбищ по Амуру и Охотскому побережью с обозначением промысловых территорий о-ва Лянгр, стойбищ Уд, Пуир, Иски, Коль, Лярво, Вайда, выяснял вопросы

Медвежий праздник у нивхов селения Тык.

Рисунок гиляка (нивха) К.Кандо. Личный архив Е.А.Крейновича

собственности у нивхов на рыболовные и охотничьи угодья и многое другое. За несколько месяцев работы на Амуре Крейнович собрал большой этнографический и лингвистический материал по диалектным особенностям нивхского языка, фонетике, произношению слов и чередованию согласных, продолжил изучение нивхской системы счета.

После экспедиции в лаборатории ИНСа Крейнович занялся теорией фонетики и начал работу по созданию алфавита для бесписьменного нивхского языка. К этому периоду относятся несколько его рукописей, среди которых программа разработки письменности на основе латиницы. Он разработал новую фонетическую систему записи звуков нивхского языка. Огромный пласт его рукописей составляют лингвистические материалы по таким разделам, как «фонетика», «сетка для разности чередований смычных и спирантов», «глагол», «каузатив», «глаголы движения и пространства», «переходные глаголы», «наречие», «ударения», «инкорпорирование в нивхском языке», «количественные числительные» и т.д.³⁵

Ежедневная работа в ИНСе со студентами помогала в изучении языка. В Институте обучались студенты-нивхи, у которых он уточнял свои наблюдения, совершенствовал знание письмен-

ного нивхского языка. Но и для студентов Крейнович был учителем и помощником. Яркий пример — тетрадь записей нивхского студента К.Кандо, в которой, осваивая новую грамоту, нивх записывал на своем родном языке разные тексты. После окончания ИНСа Кандо стал редактором первой газеты на нивхском языке «Нивхская правда» — "Nivhgu Meker Qlaj-Dif", издаваемой на Нижнем Амуре в 30-е годы. Две «Пьесы на нивхском языке (амурский диалект) первого нивхского драматурга Вингун М.К.», обнаруженные в архиве ученого, до настоящего времени не изданы³⁶.

1932 год стал знаменательным в судьбе Крейновича. В трудах Научно-исследовательской ассоциации ИНСа ЦИК СССР была опубликована его первая лингвистическая статья «Гиляцкие числительные», в которой он описал и уточнил различные категории числительных в нивхском языке. Ученый установил, что особого класса неодушевленных предметов в гиляцком языке не существует, а числительные, отнесенные Шренком и Штернбергом к этому классу, употребляются для счета предметов крупной круглой формы. Класса деревьев также не существует, а класс числительных «с таинственным основанием» не содержит в себе ничего таинственного и относится к группе мелких круглых предметов³⁷. Это было научным открытием. Исследователь впервые продемонстрировал огромное значение языка для изучения закономерностей развития мышления. На примере анализа нивхского языка он доказал, что мышление древнего человека имело конкретный, логический характер и, вместо того чтобы говорить о первобытном мышлении, нужно говорить о первобытном мировоззрении. Работа получила лестные отзывы профессоров Б.Фингерта и М.Серебрякова³⁸.

В этом же году увидел свет первый нивхский букварь на латинице «Cuz dif» («Новое слово»), автором которого тоже был Крейнович³⁹. В начале 30-х годов он перевел на нивхский язык две книги для чтения, брошюры об Октябрьской революции, два учебника арифметики для начальных классов, брошюру Кошкина (Алькора) «Что дала Октябрьская революция народам Севера» и другие издания. Тогда начиналось преподавание национального языка в нивхских школах Нижнего Амура и Сахалина, для чего была разработана «Памятка к овладению нивхским алфавитом». Появилась единая стенная газета на нивхском языке «Колхозный путь» (1934 г.), тиражом 500 экземпляров, выпускаемая специально для туземных стойбищ.

В середине 30-х годов было решено перевести обучение народов Севера на русский язык, а для письма на национальном языке использовать кириллицу. Поскольку в русском алфавите

отсутствовали буквы, обозначающие специфичные фонемы, присущие неславянским языкам, была разработана система диакритических знаков и новые буквы для алфавитов языков народов Севера и Сибири. В начале 1937 г. Крейнович представил рукописный проект нивхского алфавита на основе кириллицы в виде тезисов к докладу «Принципы орфографии нивхского языка».

В это же время он исполнял обязанности ученого секретаря ИНСа. Обстановка в стране и в научных кругах была нездоровой, шли «партийные чистки», где коллеги высказывали в адрес друг друга нелицеприятную критику, заканчивавшуюся порой приглашениями в органы ОГПУ—НКВД. Как видно из архивных материалов, Крейнович тоже принимал в этом участие. Не здесь ли кроется повод для надвигающегося ареста?

К 1936 г. ученый подготовил кандидатскую диссертацию по фонетике нивхского языка. В архиве сохранился рукописный черновой вариант его монографии «Фонетика нивхского языка», которая вышла в свет в 1937 г. в трудах ИНСа⁴⁰. Однако защита диссертации не состоялась.

* * *

Крейнович был арестован в ночь с 20 на 21 мая 1937 г. Ему только что исполнился 31 год. По навету малознакомых людей он был обвинен в участии в троцкистско-зиновьевской шпионско-террористической организации, связанной с японской разведкой, и шпионаже в пользу Японии. Эту мифическую организацию с «филиалом» в Институте народов Севера якобы возглавлял умерший в начале 30-х годов председатель Дальневосточного Комитета Севера К.Я.Лукс. «Спиридонов, видимо после тюремных побоев, оговорил почти весь преподавательский состав Института народов Севера. На основании его показаний были арестованы Я.Кошкин, А.Форштейн, Е.Крейнович, К.Шавров и другие североведы»⁴¹.

Арест перевернул всю жизнь ученого. Незадолго до этого, будто чувствуя грядущие испытания, он расстался с Н.Г.Шпринцин. Все его научные материалы (статьи, полевые дневники и т.д.) находились сначала у его сестры Эсфири. Но вскоре она отказалась держать их в доме, и тогда Шпринцин взяла их к себе и хранила все годы заключения Крейновича. За то что она сберегла его материалы и возвратила их через много лет в полной сохранности, Ерухим Абрамович был ей бесконечно благодарен⁴².

Крейнович предпринимал отчаянные попытки найти правду. Арест казался ему недоразумением и чудовищной ошибкой. Спустя год, 5 августа 1938 г., он обратился с жалобой к Гене-

ральному прокурору СССР. На тридцати девяти страницах двух школьных тетрадей Крейнович изложил всю жизнь: поездку на Сахалин, работу в Сахалинском ревкоме, десятилетнюю научную работу и ее результаты, клевету и несправедливость обвинений. Он описал также допросы и пытки, которым подвергался в тюрьме. «Меня взяли на допрос и держали на нем 190 часов. Восемь суток я пробыл на допросе без сна и отдыха. Лишение сна и пищи, быть может, не было бы столь тяжелым, если бы оно не сопровождалось унижением и потрясениями психики, которые были ужасней всего. На третий день допроса у меня стала кружиться голова. Я стал засыпать. Меня по нескольку раз в сутки стали водить в уборную и там под краном поливать мою голову водой. Голова стала тяжелой, мысли стали путаться. Крики следователей продолжались беспрерывно, в особенности ночью. На седьмые сутки допроса со мной стало твориться что-то ужасное. Моментами я переставал владеть речью и мыслью. Я начинал говорить, а затем моя речь переходила в бред, в нечленораздельное мычание. Потом в глазах стали проваливаться части стен и на меня из провалов набегала тьма. Это было самое ужасное, что мне пришлось испытать». Вероятно, документ так и не попал к прокурору, ибо ответа на него не последовало, да и не могло последовать⁴³. Не соглашаясь с ложным обвинением, он объявил голодовку, но выстоять до конца в таком аду не смог. «Восьмисуточный допрос определенно повредил мою психику, кроме того, меня разьедал жгучий внутренний стыд, что я подписал на людей клевету, о которых ничего не знаю»⁴⁴. Суд приговорил его к десяти годам тюремного заключения по ст. 58, п. 10—11 с поражением в правах на пять лет. Другие же, проходившие с ним по одному делу, были приговорены к расстрелу, среди них Я.П.Кошкин (Алькор), Н.И.Спиридонов (Текки Одулок).

Начались годы испытаний в сибирских лагерях. О колымских лагерях, куда попал Ерухим Абрамович, шла дурная слава: ледяной холод, голод, рабский труд до изнеможения, смерть. Страшная атмосфера ломала людей. Он чудом выжил. По его словам, жизнь ему спас один заключенный-венгр. Но как это произошло, осталось тайной. «Будучи в лагерях, — вспоминал Крейнович, — я с болью в сердце думал о начатых и неоконченных мною исследованиях языков народов Севера»⁴⁵. Он подал прошение лагерному начальству с просьбой разрешить ему заниматься языками северных народов. Начальство долго рассматривало его просьбу: посылали запросы в Ленинград ведущим языковедам страны. Директор Института языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР акад. И.И.Мещанинов дал положительный отзыв на его труды. Видный ученый Д.А.Ольдерогге,

который позже написал предисловие к книге «Нивхгу», пересылал ему в места заключения деньги⁴⁶. Время шло. Но специалисты по редким языкам высоко ценятся во всем мире, и Крейновичу все же разрешили занятия языком с северянами и перевели в Магадан. Там был не столь строгий режим. Он стал работать санитаром в лагерном медпункте. Дабы не терять времени даром, начал делать конспекты по медицине, составил справочник фельдшера с описанием симптомов разных болезней и первой помощи. В 1944 г. окончил шестимесячные фельдшерские курсы при больнице Магаданлага. Днем был лазарет, а вечером после отбоя к нему пускали заключенных северян, с которыми он занимался языками, и «благодарил их за труды своими скудными пайками хлеба»⁴⁷. В обычных тонких ученических тетрадях карандашом он записывал слова, предложения и тексты от осужденных коряков и чукчей — аборигенов Северо-Восточной Азии, при этом выделяя материалы по фонетике, числительным, морфологии и другим разделам языкознания. Там, в заключении, им были собраны прекрасные лингвистические материалы от юкагиров, коренных жителей р. Колымы. А.И.Солженицын включил строки об ученом в «Архипелаг ГУЛАГ», который был издан в Париже почти в то же самое время, что и книга Крейновича «Нивхгу» в Москве. Солженицын писал: «Если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь: даже на Колыме он пытался заниматься юкагирским языком»⁴⁸. Много позже результаты его исследования по этнографии тундровых юкагиров были опубликованы на английском языке в журнале "Arctic Anthropology"⁴⁹. Он интересовался языками ительменов-аборигенов Камчатки, эвенов и смешанного населения Охотского побережья. В период заключения в 1943—1944 гг. ученый собрал материалы по арманскому диалекту эвенского языка, которые затем передал исследовательнице эвенского языка Л.Д.Ришес. Много позже по данным языка и фольклора эвенов Крейнович написал статью об истории заселения Охотского побережья⁵⁰. Научные исследования были спасительным маяком. Он возвращался из лагерей с новыми полевыми материалами, что само по себе было чудом.

После освобождения из лагеря в 1947 г. Е.А.Крейновичу не разрешили жить в больших городах. Было невозможно устроиться на работу в Институт. Он был вынужден поселиться в районном центре Ленинградской области г. Луге. Тяга к исследованиям брала верх над обстоятельствами жизни. Он работал над собранными в лагерях материалами и облек часть из них в рукопись новой диссертации. Материал был настолько оригинален, нов и

незауряден, что его кандидатскую диссертацию по юкагирскому языку, который он изучал в годы пребывания на Колыме в Магаданлаге, представили к защите на Ученом совете Института языкознания АН СССР. Защита диссертации, состоявшаяся в феврале 1949 г., прошла блестяще. По сути, это была его вторая диссертация. Первая, написанная еще до ареста, по фонетике нивхского языка, так и не была представлена к защите.

Крейнович много раз обращался с заявлениями о реабилитации, но ему постоянно отказывали. Некоторые крупные ученые хлопотали перед властями о реабилитации своего коллеги. Акад. И.И.Мещанинов в обращении к председателю Верховного суда СССР отмечал: «Поскольку работы Е.А.Крейновича дважды поступали ко мне на отзыв из МВД, я прошу Вас обратить особое внимание на его ходатайство. Он не прерывал работу и в трудовом лагере, где его занятия над языками встретили полную поддержку со стороны администрации лагерей, что дало ему возможность там же написать серьезную научную работу. Эта его работа с разрешения Высшей аттестационной комиссии (осведомленной о всех деталях дела) была допущена к защите на ученой степени кандидата филологических наук. Решение о присуждении искомой степени было единогласным. Е.А.Крейнович, как редкий специалист по северным языкам СССР, принадлежит к числу лиц исключительно полезных в области изучения этих языков»⁵¹.

Но вскоре после освобождения, в 1949 г., последовал второй арест и ссылка в Сибирь. Не выдержав нового ареста, Крейнович решил вскрыть себе вены и уйти из жизни, но сосед по камере спас его, позвав на помощь. Возможно, попытка самоубийства повлияла на смягчение приговора, и его отправили в дальнюю ссылку на Енисей.

В Игарке он работал фельдшером здравпункта местного лесокombината. В 1951 г. экстерном окончил Красноярскую фельдшерскую школу и успешно сдал экзамены. Ученый-лингвист стал акушером, помогая рождаться на свет маленьким людям. Вот несколько строк, сделанных им на ходу после сдачи экзамена: «Белые стены. Большие окна. Класс и я за партой. Только мне не 8 и не 10, а 45. Вокруг были девушки, юноши. Некоторые из девушек едут в Красные чумы на Крайний Север. Одной из них я рассказываю о Таймырском п-ове, о тавгийцах (устаревшее название нганасан. — *Т.Р., А.С.*), с которыми она встретится. Я смотрю на зеленоватые глаза этой девушки и вспоминаю свою молодость — зеленую, пылкую, перрон Московского вокзала и отъезд на Сахалин. Что она — моя жизнь? Муки и нелепое, навивное подвижничество»⁵². Высшая, жизнеутверждающая фило-

софия помогла по-другому осмыслить страшный излом его судьбы. Под впечатлениями своей медицинской деятельности Крейнович задумал написать литературное произведение о рождении человека⁵³. Но интерес к языкам и науке перевесил это желание.

В ссылке Ерухим Абрамович продолжил заниматься любимым делом, благо что на Енисее и его притоках жили кеты, численностью чуть более тысячи человек, рыболовы и таежные охотники, говорящие на редком изолированном языке. Позже, восстановившись на работе в академическом институте, он ездил в полугодовые экспедиции в самые отдаленные селения кетов на р. Сым. Полевые дневники, фольклорные записи, лингвистические карточки свидетельствуют об углубленном изучении древнего сибирского языка. По результатам многолетних полевых работ он составил словарь кетского языка, состоящий из 25 тетрадей, объемом 372 листа. Сказки о Кайгусе, посылавшем удачу охотникам, легенды о богатыре Бальбе, рассказы о таежной жизни кетки Ольги Твегановой ученый записал на кетском языке и в переводе на русский язык. Его работа по кетскому глаголу составляет три большие тетради. Многие материалы, собранные среди енисейских кетов, вошли в статьи и монографии⁵⁴.

В 1953 г. в стране наметилось ослабление репрессий, но до настоящей оттепели еще было далеко. Маленький клочок бумаги — справку о прекращении судебного преследования и полной реабилитации Е.А.Крейновича первой получила его сестра Э.А.Карасик, а затем уже и сам ученый в 1955 г. Это позволило ему переехать в Ленинград и восстановиться на работе в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР.

Обстановка в Секторе палеоазиатских языков, где работал Е.А.Крейнович, была сложной. Слухи о нем в изобилии «ходили» по Институту. Как могли коллеги относиться к человеку, который сидел в лагере по 58-й статье «за измену Родине»? Некоторые откровенно завидовали его таланту, намеренно не замечая новизны его работ. Другие указывали на мнимые «неточности», требовали отказаться от научных поисков. Семнадцать лет лагерей и ссылок не прошли для него бесследно. Коллеги отмечали его неуживчивый, вспыльчивый характер. Пережитое давало о себе знать: привыкнув постоянно защищать себя, он стал подозрительным и мнительным. По воспоминаниям его вдовы, он был настолько поглощен мыслями о происках «недрузгов», что ни о чем другом думать не мог. Он писал жалобы в дирекцию института, инициировал постоянные разбирательства на партийном бюро. По-видимому, особенности личности и характера заслоняли от коллег его большие достижения в области лингвистики и этнографии народов Севера.

Здесь необходимо сказать еще об одном — незаслуженных обвинениях его в плагиате, с которыми ученый не мог примириться. «Слух», распространенный вдовой Л.Я.Штернберга С.А.Ратнер-Штернберг о том, что его ученик Е.А.Крейнович в годы работы с архивом своего учителя воспользовался его научными записями и «украл» у него лексические нивхские материалы, с середины 30-х годов упорно держался в научных кругах Ленинграда. Клевета, о которой он знал, даже в большей степени отравляла его жизнь, чем пережитые в лагерях физические и моральные страдания. Безусловно, такое обвинение было абсолютным недоразумением. Однако он не мог долгое время ответить на это, поскольку был репрессирован. Крейнович был на грани срыва. Некоторые даже думали, что он душевно болен. Всей своей работой — статьями, монографиями — он доказал, что всегда пользовался только своими материалами. Сегодня, спустя много лет после смерти исследователя, разобрав его архив, можно уверенно сказать, что Крейнович был честен в науке по отношению к себе, своим информантам, коллегам и учителям. В рукописи «История моего отношения к гиляцкому лингвистическому архиву Л.Я.Штернберга» он с болью описал искаженные события и свою работу над архивом учителя, убедительно опроверг все домыслы и кривотолки. Рукопись, датированная 1968 г., не предназначалась для публикации: слишком резки были оценки упомянутых в ней людей. Скорее, это была исповедь, обращенная к потомкам: «Вовлечение меня в подготовку к печати гиляцких лингвистических материалов Л.Я.Штернберга вылилось в величайшую трагедию моей жизни, по поводу которой я вынужден составить нижеприводимое объяснение. Я не могу больше жить, не дав его <...>» — писал Крейнович в первых строках рукописи⁵⁵. По-видимому, не случайно его единственная работа по истории науки посвящена Л.Я.Штернбергу как исследователю нивхского языка⁵⁶. Он начал добиваться восстановления правды и признания научных заслуг в отношении другого исследователя аборигенов Сахалина, товарища Штернберга по сахалинской каторге, незаслуженно забытого Б.О.Пилсудского, когда обнаружил новые неопубликованные материалы о нивхской культуре. Блестящий доклад Крейновича на годичной сессии Института языкознания об обнаруженных им записях любовных лирических песен нивхов, сделанных в конце XIX в. Б.О.Пилсудским, произвел большое впечатление на ученых. Эти фольклорные тексты стали публиковаться Сахалинским краеведческим музеем лишь с 1997 г. в издании «Известий Института наследия Бронислава Пилсудского»⁵⁷.

Своеобразным спасением стал брак Юрия Абрамовича с Галиной Александровной Разумниковой в 1965 г. Они прожили

вместе двадцать лет, поддерживая друг друга. Здоровье, подорванное еще в юношеские годы, а затем и в сталинских лагерях, все чаще напоминало о себе. Бесконечные стрессы и психическое напряжение от пережитого сказались на общем состоянии. Через год после женитьбы у Крейновича случился тяжелый инфаркт. Несколько лет понадобилось на то, чтобы восстановить силы и поправить здоровье. Несмотря на все сложности и превратности судьбы, ученый продолжал работать.

Крейнович был одним из ведущих специалистов в области редких и исчезающих языков народов Сибири. Такой выбор диктовался скорее обстоятельствами жизни, а не только личными пристрастиями автора. Ученый анализировал и скрупулезно разбирал сложнейшие лингвистические системы, абсолютно непохожие друг на друга. Он изучал ительменский, эвенский, чукотский, юкагирский, нивхский, ненецкий языки, начал изучать китайский язык. Не всякий современный лингвист может похвастать таким «послужным» списком. В 1957 г. он стал старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР.

В конце 50-х годов Крейнович выезжал в лингвистическую экспедицию в Среднеканский район Магаданской области, где собирал материалы по юкагирскому языку⁵⁸. В 1958 г. была опубликована его книга «Юкагирский язык». Затем последовали такие статьи и монографии, как «О морфологической структуре глагольных слов в кетском языке», «Об изучении языка сымских кетов» и ряд других. В 1968 г. вышла в свет монография «Глагол кетского языка», которая стала основой его докторской диссертации, защищенной в 1972 г. Одна из тем его работ в области лингвистики — сравнительные языковедческие исследования, которые важны не только с точки зрения законов развития языка, но и для выяснения вопросов исторического характера, этнических связей и этногенеза. Из-под его пера вышли статьи, в которых анализировались параллели нивхского и тунгусо-маньчжурских языков, отдаленные исторические связи с корейским, монгольским и другими языками⁵⁹. Конечно, лингвистические работы Крейновича заслуживают специальных исследований языковедов, и мы уверены, что они еще впереди.

Ученый не оставил работу над нивхским языком, начатую еще в 20-е годы. Он составил двухтомную рукопись большого нивхского словаря (более 500 страниц), в которой записал слова, словосочетания и предложения на амурском и восточносахалинском диалектах с указанием места записи и имени информанта. Рукопись не опубликована до настоящего времени и хранится в личном архиве Крейновича⁶⁰.

Ученый использовал любую возможность для общения с северянами, которые учились в Педагогическом институте им. А.И.Герцена в Ленинграде. Со студентами-нивхами Н.Зескиным, Л.Тывусом и другими он выяснял произношение и значение отдельных слов и словосочетаний, относящихся к разным областям традиционной культуры. Причем одинаковые вопросы он задавал нескольким людям, проверяя таким образом правильность и точность переводов, диалектные различия. Его отличала удивительная работоспособность. Самыми преданными помощниками были Николай Удинович Воксин, Иван Степанович Хуган, Лидия Чвыгайн, Валентина Сачгун, Владимир Санги и многие другие нивхи. В гостях у него на улице Красной бывали Виктор и Валентина Сачгун из поселка Катангли Ногликского района, которые много лет работали с ученым. В архиве Крейновича сохранились тетради с фольклорными текстами в записи Л.Чвыгайн, магнитофонные пленки с ее голосом. Между ними поддерживалась тесная и плодотворная переписка⁶¹.

Учительница математики из сахалинского поселка Ноглики Г.И.Паклина, работавшая с ученым в его ленинградской квартире, вспоминала, что Юрий Абрамович работал без устали по несколько часов подряд, спрашивая и уточняя смысл и произношение фраз. Он прерывал работу лишь в том случае, если уставал сам информант. За искренний интерес к нивхской культуре местные жители уважали и любили его. Навещали ученого нивхи Гоша Мечкин, Галина Отаина и др. Параллельно он занимался с юкагиром Гавриилом Николаевичем Куриловым, братом известного юкагирского писателя, с кеткой Ольгой Твегановой. Г.А.Отаина и Г.Н.Курилов закончили аспирантуру Института языкознания АН СССР и посвятили свою жизнь изучению родных языков и культур.

Спустя тридцать лет, в 1957 и 1960 гг., Крейнович вновь ездил на Сахалин к нивхам. Многих друзей уже не было в живых, некоторые знакомые нивхи были репрессированы в 30-е годы, кто-то был в преклонном возрасте. На острове произошли большие перемены. В Тымовской долине, на восточном и западном побережьях давно исчезли маленькие стойбища рыбаков и оленеводов, в которые когда-то он ходил пешком. Нивхские стойбища Чайво, Тыгмыч, Ныйво, Набиль, Такрво и другие остались только на бумаге, в тщательно зафиксированных Крейновичем карандашных схемах, которые показывали расположение мест промыслов, сбора ягод, кореньев, рыболовных тоней. На лесистых берегах устья р. Тымь вырос новый, благоустроенный поселок Ноглики.

Е.А.Крейнович в последние годы жизни

Ученый с удовольствием общался с нивхами, записывал фольклорные тексты, уточнял записи тридцатилетней давности. Там, в «поле», он был в своей любимой стихии: новые встречи и впечатления, новые материалы. В полевом дневнике он записал, что очень хорошее впечатление произвел на него молодой нивх Анатолий Кавозг из Набиля, который долго жил в отдаленном селении вместе с престарелыми родными и от них унаследовал прекрасное знание нивхского языка, мифов и легенд, приемов охоты на морских и лесных животных. Они много разговаривали по-нивхски, и Юрий Абрамович был рад, что есть еще знающие молодые нивхи, достойные своей богатой народной культуры. Материалы, собранные в 1926—1928 и 1931 гг., дополненные в 1957 и 1960 гг., послужили основой для книги «Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура», которая вышла в свет значительно позже, в 1973 г.

Научно-популярная книга «Нивхгу» является, пожалуй, главным трудом его жизни. Был подготовлен огромный материал — несколько сот страниц рукописного и машинописного текстов составляют черновой вариант этой интересной и увлекательной монографии. Вновь возвращаясь в прошлое, вспоминая и выби-

рая из дневников 20—30-х годов самое главное о традиционной жизни нивхов, которую он успел зафиксировать, ученый хотел явить миру научное откровение. Содержащиеся в книге перво-классные этнографические материалы, представленные в литературно-художественном обрамлении, на фоне личного пути в науке, делают ее постоянно востребованной. Форма изложения материала в виде дневника необычна для отечественных изданий того времени. Вновь ожили на ее страницах особенности самобытной культуры — ловля первой рыбы, сцены убиения выращенного в селении медведя, ритуал сожжения покойного. Мы видим нивхов его глазами: идем вместе с ним по льду залива на коллективную рыбалку, слушаем легенды о горных и морских людях, присутствуем на медвежьем празднике. В книге вернулась, чтобы уже не уходить, юность ученого.

В начале 70-х годов, когда книга Крейновича была опубликована, нивхское общество уже далеко ушло от самобытных традиций своих предков. Многие обычаи и знания были утеряны в процессе той самой советизации общества, в которой деятельное участие принимал ученый в молодости. Наступление индустриальной цивилизации на аборигенов кардинально изменило самих нивхов и их землю, так что собранные ученым материалы стали уникальными не только для науки, но и для потомков тех самых «загадочных обитателей Сахалина и Амура». В 2001 г. книга «Нивхгу», снабженная вступительной статьей об ученом, дополненная предисловием, редкими фотографиями Е.А. Крейновича и рисунками нивхов из его архива, была переиздана на Сахалине и вскоре исчезла с книжных полок магазинов⁶².

Первая часть монографии посвящена анализу хозяйственной жизни (орудиям и способам рыболовства и охоты) в свете трактовки роли средств производства марксистской философией. В этой и других частях книги «рассыпаны» интереснейшие материалы о знаниях нивхов о животных и растениях. «<...> Этнограф не может обойтись без знания ботаники и зоологии», — писал Юрий Штернбергу в мае 1927 г., столкнувшись, по-видимому, с проблемой определения растений⁶³. К сожалению, он не смог собрать гербарий, а названия растений в подавляющем большинстве случаев даны на нивхском языке, без русского перевода, что снижает ценность этих материалов. Во второй части рассмотрены общественные отношения нивхов, которыми Крейнович интересовался вслед за Штернбергом, и это была одна из важных тем эволюционистского направления в этнографических исследованиях. Он был последователем Штернберга во взглядах на родовой строй нивхов.

Особенно интересны, а сейчас и уникальны полевые материалы по религиозным воззрениям, вошедшие в третью часть книги.

Материалы, раскрывающие особенности медвежьего праздника у нивхов (на трех он присутствовал лично), представляют исключительную ценность. Записи делались на нивхском языке во время праздников от знающих информантов и единодушно считаются специалистами наиболее полными. Описания удачно дополнены рисунками самих нивхов. Ученый же критически подходил к этим записям (кого из настоящих исследователей не охватывало подобное чувство?!) и признавался: «Я стою рядом с этим прошлым (речь идет о медвеьем празднике. — *Т.Р., А.С.*), но в действительности нахожусь очень далеко от него — все это чуждо и потому недосыгаемо. Это иной, чрезвычайно интересный мир, но я чужой в нем, чужой»⁶⁴. Кроме материалов о медвеьем празднике Крейнович собрал уникальные материалы о похоронном обряде, в частности о похоронах близнецов, утнувших, об их культе. Обширные комментарии и словаря-указатель использованных нивхских слов и названий завершают книгу.

Методологические установки автора представляли собой смесь марксизма и эволюционизма. На нивхском материале он обращался к проблемам истории первобытного общества. В своих теоретических обобщениях автор широко использовал метод пережитков, находя их в изобилии в традиционной нивхской культуре и языке. Фактически, согласно Крейновичу, вся традиционная нивхская культура — это пережиток, сохранившийся к началу XX в., и он прямо экстраполировал ее на время неолита. Исследователь считал, что мировоззрение нивхов — это «почти не тронутое еще ничем мировоззрение неолита — каменного века. <...> Я <...> этнограф буду жить в живой культуре неолита»⁶⁵. Между тем о постепенных изменениях в культуре нивхов, происходивших столетиями под влиянием контактов с соседними народами Восточной Азии — маньчжурами, китайцами, японцами, а затем и с русскими, под влиянием торговли, существовавшей на Амуре и Сахалине с древних времен, писали и говорили еще его предшественники⁶⁶.

Уже в те годы он разделял позиции современных феминистов (отчасти это и марксистская традиция), считая, что происхождение различных запретов в нивхском обществе по половозрастному признаку связано с узурпацией прав мужчинами-старейшинами (мужчина — «квинтэссенция человечества», по его собственному ироничному выражению). Он писал об униженном и подчиненном положении женщины в нивхском обществе, что не подтверждается позднейшими наблюдениями⁶⁷. Такая позиция, по-видимому, была связана с утверждением в советском государстве идеи равноправия, в том числе и по половому признаку.

Крейнович, ссылаясь на свои полевые материалы, работы Штернберга и других авторов, был уверен, что у нивхов бытовало понятие собственности на родовые угодья. Известная исследовательница народов Дальнего Востока А.В.Смоляк придерживалась противоположного мнения, ссылаясь при этом на те же работы Штернберга. Вопрос о собственности на родовые угодья был связан с поисками оснований для выделения территорий коренному населению. Разные точки зрения объяснялись не только конкретным местным контекстом, но и спецификой собственности, неразработанностью этого понятия в традиционных обществах. Вопрос о собственности на угодья у нивхов, как и у других народов Сибири, остается открытым⁶⁸.

Редакторские правки текста не нравились автору. Он был ограничен в объеме книги, поэтому часть подготовленных лингвистических и этнографических материалов по культуре медведя и медвежьему празднику, о пережитках группового брака и другие были изданы позже отдельными статьями в отечественных и иностранных научных журналах⁶⁹.

Крейнович поддерживал переписку со многими коллегами в стране и за рубежом, с отечественными и зарубежными издательствами. В его архиве хранятся несколько тысяч писем от многих корреспондентов, в основном на научные темы. Так, ему писали из редакции журнала «Вопросы языкознания», издательства «Наука», известные ученые, как отечественные (Д.А.Ольдерогге, В.В.Виноградов), так и зарубежные (Х.Такеси, Р.Аустерлиц, Р.Якобсон). Останавливался в его доме исследователь из Венгрии Я.Варга. Крейнович был общительным человеком. «К нам постоянно приходило множество людей: его ученики, аспиранты, с которыми он занимался, северяне, приезжавшие с Кольского полуострова и Дальнего Востока, коллеги из ученого мира, — вспоминала Е.А.Разумникова. — В день рождения Юрия Абрамовича с поздравлениями приходили его молодые друзья: А.П.Володин, А.С.Асиновский, Н.Б.Вахтин, Е.В.Головко. Дружеская беседа перемежалась чтением стихов. Особенно он любил Н.Гумилева и А.Блока»⁷⁰.

В последние годы жизни силы стали покидать его. Обострились старые болезни. Врачи обнаружили опасное заболевание, но диагноз скрывали от больного и его родных. Ученый решил перебраться из шумного Ленинграда в город Пушкин, в дом ветеранов для ученых Академии наук. В то время там жили Л.Пантелеев, В.Шифнер, Н.И.Гаген-Торн и другие ученые. Семья отнеслась к его решению спокойно: условия жизни в пансионате были хорошие. В 1983 г. Крейнович перенес первую операцию. Здоровье продолжало стремительно ухудшаться, и он

почти не выходил на прогулки. Затем последовали больница и еще одна тяжелая операция. Уже все ночи напролет жена дежурила у его постели. Ерухим Абрамович Крейнович ушел из жизни 20 марта 1985 г. Проститься с ним пришли коллеги, сотрудники Института языкознания АН СССР и самые близкие люди. По его завещанию тело кремировали, как это было принято у нивхов. Прах Е.А.Крейновича покоится на одном из петербургских кладбищ.

* * *

Жизнь и судьба лингвиста и этнографа Ерухима Абрамовича Крейновича повторяют изломы и коллизии непростого, порой трагического развития советского общества и науки. Его формирование как этнографа пришлось на 20-е годы, время теоретико-методологического многообразия в этнографии. Это был последний период «дореволюционного» этапа развития отечественной этнографии, характеризующийся преемственностью и небывалым предкризисным расцветом. Совершенно справедливо вести отсчет первого периода в развитии «советской» этнографии не с 1917 г., а с 1929—1931 гг.⁷¹.

Воспитанный на традициях «старой школы», один из самых любимых учеников Штернберга, Крейнович в чем-то и повторил судьбу своего учителя, но с противоположным знаком. Л.Я.Штернберг, ставший этнографом и лингвистом в ссылке на Сахалине, и Е.А.Крейнович, сохранившийся как языковед и этнограф, несмотря на лагеря и ссылку. Ирония истории состояла в том, что Крейнович попал в лагеря именно в советское время и, по-видимому, в худшие условия, чем его учитель. Но, как и Штернберг, Крейнович не сидел сложа руки, не впал в уныние, продолжая научные исследования. Он пошел дальше своего учителя в области изучения языка и культуры нивхов.

В середине—второй половине XX в. уже почти не осталось исследователей-этнографов, которые бы в совершенстве владели языками коренных народов Сибири и Дальнего Востока и одинаково хорошо писали работы по языкознанию и этнографии этих народов. Одним из таких ученых и был Крейнович. Безоглядная преданность науке, стремление к творчеству и самореализации помогли ему пройти через все жизненные испытания. Наследие Крейновича составляют несколько фундаментальных научных трудов и множество других исследований, а также большой личный архив, требующий изучения и публикации.

¹ Е.А.Крейнович завещал после смерти закрыть доступ к своему архиву на 10 лет, по прошествии которых вдова ученого Галина Александровна Разумникова передала его в Сахалинский областной краеведческий музей. См.: *Роон Т.П.* Личный архив Ю.А.Крейновича. — Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1994, вып. 4, с. 44—51. Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ) и Т.П.Роон выражают глубокую признательность Г.А.Разумниковой и доктору филологических наук Н.Б.Вахтину за участие в судьбе личного архива Е.А.Крейновича и помощь в его передаче музею.

² Из Сибири (г. Иркутск, Читинская обл., с. Олентуй) и Дальнего Востока (о-в Сахалин, г. Хабаровск) Е.А.Крейнович написал Л.Я.Штернбергу 22 письма, которые сейчас хранятся в ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154. А.А.Сирина искренне признательна сотрудникам архива за неоценимую помощь в работе.

³ Эти материалы находятся в Российской национальной библиотеке (РНБ), в еще не обработанном фонде, составляющем часть проекта «Ленинградский мартиролог» (соруководитель проекта А.Я.Разумов). Копии материалов были любезно переданы Н.Б.Вахтиным авторам настоящей статьи и ныне хранятся в личном архиве А.А.Сириной.

⁴ Личный архив Т.П.Роон. Переписка с Г.А.Разумниковой поддерживается с 6 марта 1996 г.

⁵ Свидетельство о рождении Е.А.Крейновича, г. Невель, 1913 г. — СОКМ. Колл. № 6473 (личный архив Крейновича), ед. хр. 30.

⁶ *Крейнович Е.А.* Автобиография. Рукопись, 1951 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 20, с. 2.

⁷ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 1 марта 1999 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁸ *Крейнович Е.А.* История моего отношения к архиву Л.Я.Штернберга. Рукопись. 1968 г. — СОКМ. Колл. № 6473. Архив Крейновича в настоящее время еще не полностью обработан, и эта рукопись, как и некоторые другие, пока не имеет номера.

⁹ *Крейнович Е.А.* Автобиография. Рукопись, 1951 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 20, с. 20.

¹⁰ Там же; удостоверение о командировке Крейновича в Херсон на производственную практику в 1925 г. — Там же, ед. хр. 84.

¹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975, с. 208.

¹² *Крейнович Е.А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Амура и Сахалина. Л., 1973, с. 11—12.

¹³ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г., с. 6. — Личный архив Т.П.Роон.

¹⁴ *Крейнович Е.А.* Нивхгу..., с. 12.

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855. М., 1947; *Бошняк Н.К.* Экспедиция на Сахалин. — Морской сборник, 1858, № 11; *Смоляк А.В.* Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине. — СЭ. 1954, № 3, с. 77—82; *Поляков И.С.* Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг. — Приложение к Известиям Русского географического общества. СПб., 1883, т. XIX; *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. В трех томах. СПб., 1899; *Пилсудский Б.О.* Аборигены острова Сахалина. — Живая старина. СПб., 1909, т. XVIII, вып. 2—3; *он же.* Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о-ва Сахалина. СПб., 1910; *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

¹⁷ Документы Сахалинского ревкома 1926—1928 гг. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 72—94.

- ¹⁸ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 59об., 12—13.
- ¹⁹ Там же, л. 9об., 10, 20об.
- ²⁰ СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 88, л. 1.
- ²¹ *Крейнович Е.А.* Отчет за 1927 г. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 104.
- ²² *Крейнович Е.А.* Тузсоветы в стойбищах. — Советский Сахалин. 20.05.1928.
- ²³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, № 154, л. 17об., 59об.
- ²⁴ *Крейнович Е.А.* Л.Я.Штернберг как исследователь палеоазиатов. Рукопись. — ПФ АРАН, ф. 250, оп. 5, ед. хр. 45, л. 11.
- ²⁵ Рисунки нивха Керкера. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 212—223.
- ²⁶ Письмо Л.Я.Штернберга Е.А.Крейновичу на Сахалин от 14 июня 1926 г. — Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001, вып. 5, с. 202—203.
- ²⁷ Письмо Е.А.Крейновича С.А.Ратнер-Штернберг. — ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 45.
- ²⁸ См. работы Е.А.Крейновича: Очерк космогонических представлений гиляков. — Этнография. 1929, № 7 (1), с. 78—102; Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков. — Этнография. 1930, № 9 (1—2), с. 89—113; Собаководство у гиляков и его отражение в религиозной идеологии. — Этнография. 1930, № 12 (4), с. 29—54; Морской промысел гиляков деревни Куль. — СЭ. 1934, № 5, с. 78—96; Охота на белуху гиляков деревни Пуир. — СЭ. 1935, № 2, с. 108—115; Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков. — Вопросы истории доклассового общества. М.—Л., 1936 (Труды Института антропологии и этнографии, т. 4), с. 711—754.
- ²⁹ *Шаньшина Е.А.* Мифология первотворения у тунгусоязычных народов Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток, 2000, с. 11.
- ³⁰ *Крейнович Е.А.* Очерк космогонических представлений гиляков. — Этнография. 1929, № 7 (1), с. 78—102.
- ³¹ Личная карточка Ю.А.Крейновича. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 2830, л. 30; ф. 155, оп. 2, ед. хр. 370, л. 97.
- ³² Хроника. Совещание этнографов Москвы и Ленинграда. — Этнография. 1929, № 2, с. 110—121.
- ³³ Архив МАЭ, ф. К1, оп. 7, ед. хр. 7, л. 302—303. Цитата любезно предоставлена С.С.Альмовым.
- ³⁴ Личная карточка Ю.А.Крейновича. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 2830, л. 25.
- ³⁵ Лингвистические материалы по нивхскому, кетскому, юкагирскому, корякскому, ительменскому языкам в архиве Крейновича составляют огромный массив в сотни единиц хранения. До конца еще не обработанные, они хранятся в СОКМ (Колл. № 6473).
- ³⁶ Пьесы на нивхском языке (амурский диалект) первого нивхского драматурга М.К.Вингун. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 553.
- ³⁷ *Крейнович Е.А.* Гиляцкие числительные. — Труды ИНС. 1932, № 1 (3).
- ³⁸ Отзывы Б.Фингера и М.Серебрякова. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 63—64.
- ³⁹ *Suz dif* (Новое слово). Начальная учебная книга на нивхском языке. Л., 1932.
- ⁴⁰ *Крейнович Е.А.* Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. — Труды по лингвистике ИНС. 1937, № 5.
- ⁴¹ *Огрызко В.* Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Биобиблиографический справочник. М., 2000. Ч. 2, с. 7.
- ⁴² Об участии Н.Г.Шпринцин в развернувшихся репрессиях см.: От составителя. — Наст. изд., с. 7.
- ⁴³ Жалоба Е.А.Крейновича Генеральному прокурору СССР. 1938. Рукописная копия. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 4.

⁴⁴ Из заявления Е.А.Крейновича К.Е.Ворошилову — РНБ. Фонд «Ленинградский мартиролог» (соруководитель проекта А.Я.Разумов). Копия с копии из архива бывшего Ленинградского ГПУ—КГБ (б/н), переданная А.Я.Разумовым через Н.Б.Вахтина. Хранится в личном архиве А.А.Сириной.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г., с. 3. — Личный архив Т.П.Роон.

⁴⁷ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 25 января 2000 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁴⁸ См.: *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. Архипелаг ГУЛАГ, гл. 6, ч. 6, с. 313. Хотя Е.А.Крейнович и попал в ссылку как сложившийся языковед, но именно в ссылке он изучил кетский и юкагирский языки и, вернувшись, защитил докторскую диссертацию по кетскому языку.

⁴⁹ *Kreyonovich E.A.* The Tundra Yukagir at the Turn of the Century. — *Arctic Anthropology*. 1979, vol. 16, № 1, p. 178—217.

⁵⁰ *Крейнович Е.А.* Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола). — *Страны и народы Востока*. М., 1979, вып. XX, кн. 4, с. 186—201.

⁵¹ Копия обращения И.И.Мещанинова. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 62.

⁵² Запись Е.А.Крейновича на листке бумаги. — СОКМ. Колл. № 6473, б.н.

⁵³ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 30 июля 1996 г. — Личный архив Т.П.Роон; *Крейнович Е.А.* Рукопись «Человек (патетический фрагмент)». — Колл. № 6473, ед. хр. 669, л. 9.

⁵⁴ См. работы Е.А.Крейновича: *Глагол кетского языка*. Л., 1968; *Способы действия в глаголе кетского языка*. — *Кетский сборник*. Лингвистика. М., 1968; *Кетское предание об одном из их сражений с юраками*. — *Кетский сборник*. Мифология, этнография, тексты. М., 1969; *Медвежий праздник у кетов*. — Там же; *Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов*. — Там же; *Кетские загадки*. — Там же; *Об изучении языка сымских кетов*, б/м, 1969; *Анализ одной кетской легенды о птице Даб*. — *Лингвистические исследования*. М., 1983, с. 104—115.

⁵⁵ *Крейнович Е.А.* История моего отношения к архиву Л.Я.Штернберга. Рукопись 1968 г. — СОКМ. Колл. № 6473, б/н, л. 1.

⁵⁶ *Крейнович Е.А.* Л.Я.Штернберг как исследователь нивхского языка. — *Языки и топонимика*. Томск, 1977.

⁵⁷ Тетради с текстами нивхского фольклора в записи Б.О.Пилсудского. — *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. Южно-Сахалинск, 1997, вып. 1; 1998, вып. 3; 1999, вып. 4; 2001, вып. 5.

⁵⁸ Об этом вспомнила Д.П.Борисова, юкагирка, во время интервью с ней А.А.Сириной в 1998 г. в п. Сеймчан Магаданской области.

⁵⁹ *Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусско-маньчжурские языковые параллели. — *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР*. 1955, № 8, с. 135—167.

⁶⁰ *Словарь нивхского языка*. — СОКМ. Колл. № 6473, б/н.

⁶¹ Письмо Л.Чвыгайн от 11 марта 1963. — СОКМ. Колл. № 6473, ед. хр. 157.

⁶² *Крейнович Е.А.* Нивхгу. Загадочные обитатели Амура и Сахалина. Южно-Сахалинск, 2001. Книга издана СОКМ и Сахалинским книжным издательством при финансовой поддержке ОАО «Роснефть-Сахалинморнефтегаз». В частной беседе с одним из авторов статьи представитель этой компании отметил, что ее сотрудники стояли в очереди, чтобы прочитать вариант издания 1973 г., составивший основу переизданной книги, настолько увлекательным и интересным было для них это чтение.

⁶³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 154, л. 42.

⁶⁴ Крейнович Е.А. Нивхгу, с. 196.

⁶⁵ Там же, с. 43.

⁶⁶ Смоляк А.В. [Рец. на:] Крейнович Е.А. Нивхгу... — СЭ. 1975, № 2, с. 171—174.

⁶⁷ *Shternberg Lev. The Social Organization of the Giliak. Ed. with a Foreword and Afterword by Bruce Grant. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1999, № 82; Смоляк А.В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина. — Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 264—299; Фадеева Е.В. Образ женщины в религиозном сознании и фольклоре материковых нивхов и нивхов острова Сахалин (середина XIX—начало XX в.). — Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998, с. 179—183.*

⁶⁸ Смоляк А.В. Традиционные основы природопользования у народов Нижнего Амура. — Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999, с. 126—131.

⁶⁹ См. работы Е.А.Крейновича: О пережитках группового брака у нивхов. — Страны и народы Востока. М., 1973, вып. 15; Медвежий праздник у нивхов. — Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974, с. 339—348; La fête de l'ours chez les Nivkh. — Ethnographie. 1977, № 74—75, p. 195—208; О шмидтовском диалекте нивхского языка. — Диахрония и типология языков. М., 1980, с. 133—144; О культе медведя у нивхов. — Страны и народы Востока. М., 1984, вып. 24, с. 244—283; Этнографические наблюдения у нивхов 1927—1928 гг. — Страны и народы Востока. М., 1987, вып. 25, с. 107—123.

⁷⁰ Письмо Г.А.Разумниковой Т.П.Роон от 7 апреля 1989 г. — Личный архив Т.П.Роон.

⁷¹ Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнографической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 119.